

Кто-то рядом



Сергей Хорошев

Сергей Хорошев

Кто-то рядом

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Хорошев С.

Кто-то рядом / С. Хорошев — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Живет человек, молодой, добрый, симпатичный – книги пишет, с девушками романы крутит... Никому не мешает, никого не трогает, и вдруг оказывается – он совершил пять убийств, два изнасилования, и провернул очень крупную аферу на бирже! Главное – он сам этого не знает! А его в тюрьму! Но друзья, товарищи, знакомые, приходят ему на выручку.

Ну, а кто-то бродит рядом,
Смотрит в спину жарким взглядом!
Кто же он, на самом деле-

Хищник или человек?!

(А. Курляндский, А. Хайт)

От суммы, да от тюрьмы не зарекаются.
(Русская пословица).

Глава 1.

«Есть люди, у которых есть самолеты. Личные. Я не из их числа, но о многих, из тех, у кого они есть, кое-что знаю. И очень хорошо знаю, что очень многие из них боятся смерти.

Смерти, конечно, боятся все. Но для большинства это что-то далекое, призрачное, нереальное; или неожиданное, случайное – не страшное. Если конечно не болеешь раком, СПИДом, туберкулезом...».

Надо! Пора начинать писать!

Вообще-то два романа написал! И отправил. Ни каких отзывов! Четыре редакции – все молчат. Но то – гениальные произведения, опередившие время! Современным редакторам другое подавай! Им детektivчики дешёвые! Вот вам!

Да, первая строка не дурна! Сразу с детektivов бы... Отточу стиль, набью руку. Да и время не зря пройдет.

Люблю начало рабочего дня. После того как ввели свободный график, с самого утра народу мало. Руководство понимает – творческие люди, вечерами материал для газеты добывают. А некоторые – так и ночью шерстят. По ресторанам... И по клубам... И по подпольным казино!

Меня только это не касается... Я же судебный хроникер! Штатный интервьюер! Суды ночью не работают! И уважаемые люди только днем принимают – у них только днем свободное время есть! Потому с утра – как штык! Сижу! Ну и ладно! Мне и хорошо! Никто не мешает.

Правда, не я один. Вера Нефедова – книжку открыла, глазами отстрелялась, слегка приподнявшись над перегородкой – учебник штудирует небось, к экзаменам готовится. Чего прячется – все равно за штатом?

Андрей Фот – спит! Нагло! Положил руки на стол, голову на руки и сопит в клавиатуру! Да и то... Начальства нет. Придут – разбудят.

У буфета трое – два практиканта: Владик и Коля, да ведущий журналист Белов Сергей Владимирович. Как говориться вылитый ошипанный... На петуха не тянет! У петуха, даже у петушка, из головы хохолок торчит – мужское «я» высовывается. Голова у петуха в небо смотрит! А Сергей Владимирович скорее курица. Нет! Кур! Вот он кто – ошипанный кур! Тонкая шея, смятая от времени, выдающийся в перед маленький носик-клювик, и глаза всегда немного на выкате, крошек ищут.

Вот кто меня поражает, удивляет и заставляет не верить в будущее – так это Белов! Сам не пойму почему. Не вредный вроде – до получки всегда одалживает, в разумных пределах конечно. И потом, если не отдают, месяц ничего не требует, не намекает. А потом, в день получки, вежливо напомним: «Вы мне задолжали столько и столько, тогда и тогда!». Громко, прилюдно и таким тоном! Что становится не по себе, даже тем, кто ни чего и никогда у Белова не занимал. И стыдно... И за себя, и за того парня. И тот парень тут же все до копейки отдаст, да еще заискивающе извиниться, несмотря на то, что он пообещал своей подруге сводить ее в театр, в Большой. И уже распланировал, как после балета сделает предложение. И о свадьбе

подумал. Гостей на эту свадьбу пригласил... а тут Белов – бац! И все! И Света из АХО его презирает! И не то что в ЗАГС, в кино с ним ни-ни... И решение демографической проблемы в стране опять отложено на неопределенный срок! А виноват во всем...

Нет парень сам дурак – деньги всегда отдавать надо! В срок!

Но Белов! Дожил до... Два месяца тому назад поздравляли... Семьдесят один! Восьмой десяток! Жены нет. Детей нет. Племянников и тех нет! Вот умрет и... Государству или церкви? В бога не верит, в партиях не состоит, в общественных организациях не участвует. Да... В нотариусов верит еще меньше, чем в Бога, хотя видел... Так что завещание не напишет! Государству.

А еще деньги требует! Свои, правда...

Только зачем они ему? Зачем? В метро – бесплатно, так же, как и в автобус, в трамвай и... Не разу не видел, чтобы в маршрутку сел! Ни разу! Дождь, ветре, снег – будет стоять и ждать муниципальный. И не заболит! По утрам бегают, зимой на лыжах – каждое воскресенье не меньше сорока км накручивает! В проруби купается! Молодец! Восьмой десяток, а на лечение ни с чьего кармана денег не берет!

Да... Он же почему по утрам на работу тащится, в такую рань? В буфете, года три, наверное, кормят бесплатно! Во! Это наш главный редактор в офисе Google на презентации побывал. С тех пор Белов раньше всех на работу приходит. Кати, буфетчицы, еще нет, а он уже сидит на высоком стуле, рассматривает стойку. У нас и пиво дают. Но кроме Андрюхи Фота никто не берет – думают специально выставили, чтобы потом алкоголиков в первую очередь сократить. Андрей не боится – по две бутылки выпивает. Алкаш?

Впрочем, я же про Белова...

А что я на него взъелся? Ведь добрый человек – денег всем займы дает, в прорубе купается, говорят – стихи пишет... Ну и что, что не женился и детей не нажил? Я вот тоже холостой. Пока. Может женюсь еще?

Но он вон еще и ведущий! На восьмом десятке! Давно пора уступить место молодым!

Это я о себе? Ну почему сразу о себе? Хотя если честно...

Вот ведь Белов... Попал в струю и...

Стоп! Хорошее начало!

Так самолеты... Удалю! А то получается про себя пишу – что с владельцами самолетов знаком, а не про олигарха Булкина.

«В свое время, Василию Васильевичу Булкину сильно повезло – что называется «в струю попал». И время попадания своевременное получилось – лихие девяностые.

Совсем недавно, из струи этой он вынырнул богатым, уважаемым олигархом, без всякого криминального, да и вообще без всякого темного прошлого.

Конечно, нашлись злые языки! Шептали, намекали и даже в газеты писали... Но! Не вышло у них, у не добрых и завистливых, бросить на Василь Васильевича тень. Выложил Василь Васильевич им всю свою подноготную сам – как из младших научных сотрудников, в олигархи одними мозгами выбрался! Без блата! Без криминала! Без иностранного капитала! И даже к золоту партии не притронулся! Одной своей головой!

Мало того написал, так еще и признался – не сам по клавишам стучал, журналистка помогала. И ее фамилию, как соавтора, в книжке пропечатал. Во! До чего честный человек!

И гонорар за книгу поделил! Гонорар не маленький. Справедливо поделил! Между журналисткой ему помогавшей и фондом помощи собакам имени Булкина!

И вот этого человека убили!».

Хорошо! Сразу по делу. И строка, первая, замечательная такая! Не видит никто... Позавидовали бы! Но еще будет время. И почитают, и позавидуют, и поймут...

Так... а действительно не видит ли кто? Ведь знаю – рожа у меня сейчас... Идиотская рожа! Улыбка до ушей, глаза сощурены, подбородок кверху и...

Спокойствие, только спокойствие! Как говорил великий Карлсон!

Фот – спит, Вера – зубрит, практиканты... Практиканты ушли курить. Белов...

Все же до чего противная личность!

Шея морщинистая, дряблая, вытянулась в погоне за поднятой вверх головой. Голова тянется ртом к бутерброду с сырокопченой колбасой. Рот, тонкий, бесчувственный, бледный, медленно, как при замедленной съемке, открывается, показывая строй ровных, острых, слегка желтоватых от старости и чая, зубов; рука, худая, слабая, скрупулезно и точно, в середину между верхним и нижним рядом, вносит ломоть белого батона с лежащим на нем кусочком темно-красной, почти черной, лоснящейся благородным жирком колбасы... Рот быстро закрывается. Рука, точно такелажный кран, опускает остатки бутерброда на тарелку; пальцы расходятся; рука продолжает движение, у края белоснежного бокала резко тормозит; пальцы входят в дужку бокала, сцепляются; рука поднимается. Край бокала напротив противного рта. «Чмок!» – сказали тонкие губы и раскрылись в полуулыбке. «Юхью!» – глотнули жидкость. Взбрык кадыка... Отрыжка. Громкое, довольное «А-а-а!». Ласковый взгляд на увлеченную телевизором буфетчицу Катю.

Странно. Кроме меня никто на Белова никак не реагирует. Почему же мне он так неприятен? Может потому...

Я – это он... Нет. Он – это я через... сорок три. Да. Через сорок три года.

Печально...

Хотя нет! Я хуже Белова! Он дает всем деньги в займы, а я нет! И не потому что жадный... Я не жадный. Просто мне не отдают. Не отдавали. Пару раз... Вот он может потребовать, а...

И в прорубе не купаюсь, и на лыжах не бегаю, и...

И буфете по утрам есть мне стыдно. А ему нет! А мне почему?

Во! Я полон комплексами по самую макушку, а у Белова Сергея Владимировича их нет!

И работает даром. Только определить в чем его работа заключается, у многих, даже у его непосредственного начальника Железнова Василия Сергеевича, возникают затруднения.

Одни считают, что держат его за былые заслуги; другие думают – за долгие годы совместной работы с главным редактором; третьи – за обширные знакомства; четвертые – за энциклопедические знания. Находились и недоброжелатели, из молодежи, те говорили: «Забыли на пенсию отправить – вот и сидит».

Правы были все. Заслуг у Сергея Владимировича – масса. Журнал, с первых дней основания, в передовые издания выводил; за правду с партбоссами – ругался, и за это не только награды, но и выговора имеет. С главным редактором начинал. Только главный главным стал, а Белов... А ему предлагали! Это уже после того, как он ведущим стал. Ведущий и ведущий – все не начальник. Ему в заведомо – думает. Две недели думает. Три. Думал бы и дольше, да поинтересовались – «Ну что? Надумал?». Помычал Белов, и отказался. Время идет, люди растут – вакансия, руководящая в редакции – Сергей Владимирович в списке первый. Думать уж ему не дали, он и не думавши – сразу отказался. Больше не предлагали.

Кстати, через свой отказ стать заведомо, он заимел очень высокого покровителя – фамилию называть не буду, фамилия известная, обидеться еще... Что карьера у него из-за отказа журналиста Белова в вверх пошла. Вот не отказался бы Белов? Кем бы тогда господин... Да... О начальстве или хорошо, или... компромат, если депутат.

Ко всему этому Сергей Владимирович, в области законов о русском языке, по истории криминалистики, по воровской истории, да и вообще историй много знал, и что не маловажно, всегда своими знаниями делился. И обращались! Как к последней инстанции в споре, если дело коснется истории какой, или правила в русском языке. К примеру корректор с автором спорит – до ругани дойдет – к Белову. Как Белов скажет – так и напечатают. Потому, как и в словарях опечатки встречаются, а в его голове... Не смотря на возраст!

Но если до конца, всю правду, права и молодежь. Забыли о Белове в отделе кадров. Отдали карточку коллеге из другой редакции, а тот коллега все и потерял. И теперь кадровичка молилась за здоровье Сергея Владимировича, что бы жил он долго и в памяти! И уходить никому не собирался. И что бы умер на рабочем месте! Когда она на пенсию уйдет.

И знакомых у него... На всех уровнях, во всех правоохранительных органах, организациях и службах! И во многих, многих периодических изданиях! И в не периодических... Хотя они, наверное, еще более периодические... Нет! Они сплошные! Сплошные электронные издания! А он в компьютере только пасьянс разложить и может. А я...

Вот за что меня уважают – я с этим компьютером на «ты»! Мы с ним... С тобой, с тобой, мой...

Мысль странная... Светлана Владимировна, как только у нее принтер бумагу зажует, сразу звонит в службу поддержки и требует: «Пришлите мальчика! У меня принтер жует!». Мальчика... а придет Федор... И отчества его не знаю! Мужу под пятьдесят, а он все «Федя». Парадокс. Конечно, не всегда Федя приходит – это когда «мальчики» заняты. Вот те – действительно пацаны. Часто меняются. Имена запоминать – время зря тратить.

Вот и я – компьютерщик. Мальчик. Только не бумагу из принтера достаю, а сообщения из почты. И не у Светланы Владимировны, а у шефа. У бывшего почту читал, и у нынешнего читаю.

Николай Федотович, бывший завотделом, в возрасте... Трудно ему к новой техники привыкать. Да и незачем – ведь я же рядом. Секретарша ему по штату не положена, вот он меня в секретари и определил.

Статьи он сам писал. Что машинка, что клавиатура у компа – к Word быстро привык. А вот почту? Да может и не хотел? Я себе два адреса настроил в Outlook...

И Василий Сергеевич Железнов, вместо Николая Федоровича, назначенный – все оставил как было. Статьи сам – за почту я ответственный. И читать, и отвечать – читателям, рекламодателям, сообщателям – это его бывшие коллеги – милиционеры, ну и стукачам – уголовным элементам, вставшим на путь легкого приработка в нашей конторе...

Надо место сменить! Как голову не подниму – вот он Белов!

Но место у меня хорошее, хотя и не выбирал. Когда редакция в новое здание переехала – наняли специалистов, но правильному расположению рабочих мест – освещение, рабочая обстановка, психологический климат... Ребята и придумали огромные пространства швейных цехов перегородить перегородками – стеклянными. И все на виду, и все отделены. Буфет получился напротив нашего отдела. А мой стол напротив этой стеклянной стены, за которой буфет. Потому как голову не подниму – кушающие люди!

Что-то напутали специалисты. Как работать, когда перед тобой индифферентное лицо буфетчицы Кати, а то и куча жующих рыл?

Шеф, Василий Сергеевич, тоже за стеклянной стеной – его кабинет «аквариумом» прозвали. Но у него жалюзи повесили – это вроде у начальника могут совещания проводиться о которых подчиненным лучше не знать. Он и без совещаний жалюзи эти закрывает и сквозь планки следит за всеми. Получается мы в аквариуме, а не он.

Опять жующий Белов! Как тут что напишешь?

Завидую! Ведь много ли человеку надо? Скушал бутерброд, запил чаем, и счастлив! И правильно! И никакой славы, ни денег не надо! Святой, да и только!

Сидит, наелся уже, но не уходит. Посидит, посидит и еще один возьмет. И есть будет медленно-медленно. Что бы влезло. По чуть-чуть...

Человек осуществил свою мечту – дожил до коммунизма, в который злопыхатели не верили. То, что коммунизм для него наступил в пору расцвета капитализма, его нисколько не смущает. Точнее, Владимир Сергеевич, осуществил мечту миллионов в одном отдельно взятом теле – в самом себе, без революций, выступлений и демагогий в окружающее пространство,

правда не без помощи чиновников московской мэрии, к коммунистам себя не относящим, и работодателям-капиталистам. Как ветеран, он ездил бесплатно на всех видах транспорта – благодаря чиновникам мэрии; завтракал, обедал и ужинал за счет фирмы – работодатели-капиталисты постарались; одевали его спонсоры – он иногда появлялся в «ящике», на съемку приходил в лохмотьях и иногда, раза два в год, ему разрешали оставить реквизит себе – добрые, обеспеченные политики. Он даже квартировал на халяву – частично ему возмещали квартплату как пенсионеру, а остатки редакция – донял главбуха и главреда – те капитулировали быстро, да и сумма смехотворная, тем более молодым и перспективным больше отваливали на съем квадратных метров, а эти перспективные, набравшись опыта в другие места сбегали.

В выходные, когда редакция закрыта, посещал презентации, выставки, приемы – только с угощением; не брезговал благотворительными обедами для малоимущих. Везде появлялся к чаю – только ораторы замолчат, пионеры... дети младших и старших классов, стихи расскажут, матросский танец спляшут, о Родине споют – он уж у самовара – пряник размачивает. С пустыми руками не уйдет – конфетку, другую, печенюшек горсточку – возьмет. Своими глазами наблюдал – случайно зашел в кинотеатр около дома, а там мероприятие выходного дня – префектура устраивает каждое воскресенье – «Играй гармонь» называется. Пенсионеры, в основном бабки, поют, ногами топают, радуются жизни.

Вот! Завидую я Белову! Ох, как завидую! Потому и злюсь.

Добрее надо быть. Добрее!

И писать! Однако не простой детектив! Инновационный. С психологическими, философскими, социально-публицистическими, морально-нравственными отступлениями, в думающем и видящем читателе долженствующими найти душевный отклик и...

Как раньше не догадался?! Столько материала! Работать в отделе криминальных новостей и не писать детективов?

А уж про Булкина – первое дело! Тему знаю, много, и много того, чего другие не знают – уж так обстоятельства сложились. Второе – Булкин личность известная. Пока. Еще не забыли. Третье. Убийцу так и не нашли. Четвертое – убийца продолжал убивать. Пятое – убийца о всех своих убийствах подробнейшим образом отчеты на имя заведующего отделом, правда бывшего заведующего Николая Федотовича, слал, шлет и будет слать, а я все эти письма читаю! Шестое – убийцу скоро должны поймать, как говорит товарищ Железнов: «Сколько вор не ворует, а тюрьмы не минует!». Да... Это про вора. Но наверняка не зря говорит! И убийцу поймут! А я тут как тут! Со всеми подробностями, в художественном изложении! Да если... на примере олигарха Булкина, показать новое видение человеческого общежития в свете добра, справедливости и человеколюбия... Стану знаменитым, уважаемым, богатым...

– Опять убийца Булкина нарисовался? – Бархатистый баритон, чуть слышнее работы вентилятора ноутбука, около самого уха. – Здравствуйте Евгений.

Мог Виктор Николаевич вывести человека из равновесия. Мог! Тихо и не прилагая усилий.

– Здравствуйте. Как не слышно вы ходите.

– А вы наушники из ушей вытащите.

Черт! Забыл. Как в метро слушал... Только выключил.

– Статью кропаете? – Господин Попов отвел взгляд от экрана, лениво скользнул глазами по моему лицу. – Ага! Роман!

Догадался! Благосклонно кивнул – мол, скоро как я, знаменитым, станете, господин Кульков Евгений Валентинович.

– Фамилию смените, не автобиографию же сочиняете. Потом проблемы могут возникнуть...

И всякий интерес потерял. Повернулся и в буфет. Бесшумно! И наушники не причем. Подошвы у его ботинок, очень дорогих ботинок, мягкие, пружинят при каждом шаге, будто и не идет он на них, а плывет, будто барс крадется.

– Виктор Николаевич! – Не удержался я.

Барс остановился, лениво обернулся, смял губы в улыбку. Слегка склонил голову.

– Вы это... Никому не говорите... – Только бы не покраснеть!

По-барски воротился, по-отечески похлопал по плечу, и чуть картавя заметил:

– Вы меня знаете – я в дружеских посиделках не участвую, делами и интересами коллег не обременяюсь – эгоист я. Мне чужие судьбы... – Он пожал плечами – зря просишь, мне твой роман до лампочки. – Но от себя замечу – наоборот, молодой человек, на всех углах кричите и у всех совета спрашивайте! И посоветуют, и поучаствуют, и поправят, и работать меньше будут заставлять – лучше управитесь.

Он посмотрел на часы – золотой Ролекс – из прошлой, адвокатской жизни.

– А пишут все. И я пишу, и Василий Сергеевич, и вон – Белов, могу поспорить, пишет. Работа у нас такая.

Белов на секунду перестал жевать, нервно дернул левым плечом, словно сбрасывая не учтиво положенную руку. Сидел он далеко, слышать разговор не мог. Значит или сверхчувствителен, или у Виктора Николаевича взгляд пробирающий. Скорее второе. На мои изучающе-буравящие откровения старик никак не реагировал.

Попов начал поворачиваться...

– А почему фамилию изменить?

Виктору Николаевичу пришлось стряхнуть с себя мысль об утреннем бутерброде.

– Засудят. Это я вам, как... Вы же, что б читателю интересней было, и в бордель Булкина сводите, и как он взятки крупному чиновнику давал напишете, и про вагон с анашой... Так ведь?

Он хихикнул. Резко так – «хи-хи».

А ведь прав! Как это я сразу...

– И лучше от имени убийцы, от первого лица, так сказать. И так, что б читатель себя этим киллером почувствовал! Все хотят хоть раз в жизни кого-нибудь убить, да не у всех духу хватает. А тут Кульков! Такой романище! Читаешь и... Про струю уберите... И лихие девяностые... Уж как-то избитым все это стало. Надоело.

Резкое «хи-хи», поворот на одних каблуках, и однозначный отход к буфету – несколько быстрее, чем обычная вальяжная походка. Это что бы я больше не окликнул – хоть и говорит «чужие судьбы мне безразличны», но на чужие просьбы откликается и в дела коллег лепту посильную вносит – правит и наставляет. Любит он наставлять!

Это сейчас отошел. Понятно – Виктор Николаевич человек правил. В девять ноль пять входит в офис, в девять ноль семь, предварительно помыв руки, садится за стойку, за три минуты съедает один бутерброд с красной икрой, еще три минуты пьет крепкий черный кофе, расплачивается – бутерброды с икрой у нас за свой счет, кофе – бесплатно; заходит в туалет; через пять минут он за своим столом. А тут я этот ритуал чуть не порушил...

А совет он дал стоящий! Как это я сам не додумался?

«Когда мне плохо – я мечтаю о киллере. О любом киллере. Который придет и избавит меня от всех проблем, от всех несчастий, от этого мерзкого, тупого, никому не нужного бытия. Избавит быстро, умеючи, без шума. Выстрелом. В голову.

И все! Свобода! Рай!

Но я сам – киллер, наемный убийца.

А вот к некоторым, которые обо мне совсем не мечтают, я заезжаю. Без приглашения.

Как к Булкину...»

Стоп!

«Как к Бабулькину...»

Точно! И догадаться сразу, и по судам не затаскают! Я же не про...

Легкий бриз в спину прервал мысли – дверь с лестницы остается открытой более обычного всего на долю секунды, однако это говорит о появлении в зале заведующего нашего отдела Железнова Василия Сергеевича.

Я ко входу сижу спиной. В принципе мне все равно – так уж получилось. Вот Фоту не все равно – он должен видеть входящих, чтобы принять соответствующее рабочее положение. Если я, Белов или даже Попов – реакций ноль, а вот если Василий Сергеевич... Брови сгрудились над переносицей, глаза горят! Весь в думках! Творит очередной шедевр в фотошопе. Когда проснуться то успел?

Мне то все равно – у меня всегда перед глазами текст. Ну или страница новостная – это не возбраняется. Однако на вход начальства реагирую – спина прямее становится, улыбка убегает, и рефлекторно, хотя чего прятать, сворачиваю все окна на рабочем столе. И на предыдущего шефа, на Николая Федотовича, он хоть и мал, но в животе сильно широк – ему для входа времени больше чем другим требовалось, я так же реагировал.

Василий Сергеевич в плечах разросся. Не плечи, а коромысла! От его входа дверь дольше всего остается открытой. От него можно сказать даже не легкий бриз, а чувствительный сквознячок!

Другие не так входят. Андрей Фот или Вера Нефедова – проскочили и все. Белов... Раньше меня приходит, позже уходит... Не разу не видел! А ведь шесть... Семь лет! Попов – материализуется. Вот не было его и вдруг – бац! Вот он! И исчезает так же. Только что был и нет! Экстрасенс? Телепортируется? Не верю. Этот из тех, которые без мыла влезут – долгие, долгие годы тренировок и склад характера.

Вот кого есть за что не любить... К кому плохо относиться и на кого раздражаться – на Попова. Ведь он...

– Привет Женек. Работаешь? Как дела?

– Здравсте, Василь Сергеевич. Да. Все нормально.

Шеф скрылся в своем аквариуме.

Меня зовут Женя. Евгений Валентинович Кульков – по паспорту. И милиционеры. И должностные лица. Остальные... Как хотят – и Женей, и Женьком, и...

Железнов вот – Женьком.

Школьные товарищи – Кульком дразнили. В институте, я институт журналистики окончил, Кулем звали. Я не обижаюсь. Общаться приходится с такими кадрами! Уголовники...

Да... Уголовники – что! Эти нормально обращаются, почти как должностные лица при исполнении, потому как я с ними общаюсь в присутствии милиционеров. Так что уголовные элементы ко мне по имени-отчеству, с ухмылкой правда. Ну да ладно.

А вот должностные лица и в не формальной обстановке, на улице или в кафе за счет газеты, где никто ничего не услышит – так, не назовут, обзовут! Уголовнику до этой фени, до такого мата, до... сидеть и сидеть!

Я не обижаюсь. Сам понимаю – вопросы провокационные, глупые, не хорошие вопросы. Но не я их придумываю. Мне пишут – я задаю. Обычно Виктор Николаевич – он у нас по этому делу мастер.

Виктор Николаевич напишет, шеф вызовет, протянет листочек виновато, и тихо скажет:

– Сходи, Евгений, поспрошай. Тебя не убьют. – Так Николай Федотович отправлял.

Василий Сергеевич похоже, но всегда по-разному говорит. Смысл тот же!

И вроде не оскорбляют. Виктора Николаевича за такие вопросы – убьют, а меня нет.

Я один раз поинтересовался – почему меня не убьют? Шеф долго юлил, глаза отводил, про мой возраст врал, честные и чистые глаза мои...

Виктор Николаевич, когда от шефа вышли, не сдержался – от души посмеялся сначала, а потом и заявил, честно, откровенно так:

– Ты, Женек не обижайся, только рожа у тебя – тупая. Дурака ни за какие вопросы убивать не будут – он и так судьбой обиженный.

Успокоился, по плечу меня похлопал, и серьезно:

– Я знаю – ты не дурак. И пишешь хорошо, и эрудированный, и... Но лицо у тебя – выпускник сельхозтехникума.

Повернулся и в курилку – спокойно, с достоинством.

В чем-то он конечно прав – лицо у меня простоватое, фигура жидковатая. Прическа... Что только с волосами не делаю – торчат, как депутаты в думе первого созыва, определяются. С одеждой проблемы – что ни куплю все велико. Сам не понимаю отчего. Костюмы и не ношу.

Вот глаза у меня, здесь шеф от истины не отошел, и честные, и чистые. Некоторым девушкам нравятся. И женщинам. Вот Светлана Владимировна, так и говорит: «Мне бы Женечка твои глаза, я бы в этом гадюшнике не прозябала!». И вздохнет глубоко, с отяжкой. «Гадюшник» – это наша газета.

Отвлекся... Я о Викторе Николаевиче хотел.

Вот он – истинный ариец, да к тому же подлец. Внешне. Да и в душе думаю... Подойдет, поздороваешься: «Доброго здоровьичка» – кулаки чешутся, хочется в ответ гадость сказать, а нельзя – человек с тобой просто поздоровался, то есть здоровья пожелал, но так, как другие смерти желают, в чатах или на всяких литературных сайтах – «Вешайся бездарность!». А уж за те вопросы, что я потом должностным лицам без свидетелей задаю... Убьют! Его конечно. Если не сами, тут же, то киллера наймут, не останутся.

Да... Истинный ариец – лицо овальное, слегка удлиненное, черты лица – тонкие, правильные, очень правильные – все на этом лице перпендикулярно – параллельно. А волосы... Это те депутаты что на моей голове, только до демократии, и даже до Горбачева – лежат и в одну сторону смотрят. Одет всегда – костюм по моде, отутюжен, рубашка в тонкую полоску, галстук – в цвет подобран, с легчайшей небрежностью, которую только Светлана Владимировна и замечает, завязан...

Ботинки у него! Светлана Владимировна посмотрит на эти ботинки и вздохнет, будто о моих глазах. Но ничего не говорит.

А вот глаза у него – дрянные! Совсем дрянные! Белые почти, вроде и нет глаз ни каких – смотреть в них не хочется – страшно и противно. Потому его женщины боятся – здесь ни какие костюмы, ни какие ботинки, никакой галстук не помогают.

Светлана Владимировна, в кафешке сидели как-то, близко-близко наклонилась ко мне и на ухо зашептала: «Приснился сегодня Вурдалак наш! Думала не проснусь! Глазищи...». «Вурдалак» – Виктор Николаевич, за спиной ее в это время стоял и не хорошо улыбался – я его отражение в подносе рассмотрел. Хотел Светлане Владимировне локотком намекнуть, да локоток в такое ее нежное место уперся, да как-то по-пионерски, вроде случайно, невзначай... И стыдно стало, и мысли потекли в...

Да! Мне нравятся женщины с большой грудью! С большой и круглой...

Никак не могу сосредоточиться, когда Светлана Владимировна вползает в мысли! Только не подумайте, что я в нее влюбился! Впрочем, ...

Так! Стоп! Про Виктора Николаевича! Глаза. Да... а вот мозгов у него очки носить – не хватает! А я еще дурак! Сам...

Завожусь я... Все! Успокоиться, не думать...

А все равно... Почему-то раздражает он меня меньше, чем Белов. Почему?

Я же про убийство Булкина писал!

Все. Продолжаю...

Из-за этого убийства Николая Федотовича, бывшего шефа моего, сняли, а на его место назначили Василия Сергеевича Железнова. Со стороны, с опытом работы. Работал подполковник Железнов не в журнале, и не в газете. Но опыт имел вполне профильный – о бандитизме знал не понаслышке.

Кстати, на мир Василий Сергеевич Железнов смотрел сквозь поляризованные стекла очков «Полароид».

Стекла отфильтровывали блики от софитов, фонарей, солнца, звезд; заметнее становились мелкие детали; цвета делались насыщеннее. Возможно благодаря очкам, и статьи у него получались – простые, но емкие и запоминающиеся. После правки Виктора Николаевича, или моей. Я ведь тоже носил такие очки. Стал носить...

Нет! Я не подражаю! Я просто попробовал и мне понравилось.

По поводу очков, очков Василия Сергеевича, в нашем коллективе, ходили разные слухи.

Одни говорили – катаракта, толи зреет, толи после операции. Однако, проработав год, он очков не снял. Версию отмели, как не состоятельную. Версии отметить – в крови у моих коллег.

«Злые языки», есть и такие в редакции, решили – он никогда не снимает очки от того, что ему стыдно смотреть людям в глаза. В чем-то они правы. Заняв кресло заведующего отделом, многих господин Железнов обидел. Обидел не заслуженно. Заслуженных...

Еще говорили – человек скрывает свою природную доброту, которая, как известно, в глазах – как в зеркале. Это те, которые при Василии Сергеевиче заслуженными стали, выслужились, то есть...

Я, в нашем коллективе, на особом месте – и не заслуженный, и не обиженный, и... В общем как сидел на судебной хронике, как брал интервью у официальных лиц, как правил статьи заведомом – так на судебной хронике и сижу, и статьи правлю. И прежнего правил, и этого. Потому что у меня профессиональное образование. Я, да еще трое в нашей газете, закончили журфак МГУ. Весь остальной коллектив – самородки, самогении, специалисты в своей сфере! Им уважение и почет! А мне – правило и учет! Сколько и чего поправил.

Находясь на этом, особом, счету, пользуясь близостью к руководству, я поинтересовался у Василия Сергеевича (Светлана Владимировна домаглась!), почему он даже в помещении в очках. Оказалось, правы были все. Катаракта у него действительно была, но хрусталик заменили, зрение восстановилось, а к очкам привык. Еще, спрятав глаза, и отказывать, и наказывать, и хвалить – гораздо проще. Да и вообще жить. Спрятав душу, зеркало которой глаза, за зеркальными стеклами! К тому же – поляризованными.

Со мной он был откровенен – я первое время глаза держал открытыми, да и потом, когда очки надел... Как у Василия Сергеевича...

Однако, находясь вблизи руководства, карьеры я себе не сделал. Не при прежнем, не при нынешнем!

Я неудачник!

Удобное слово – неудачник. То есть человек лишенный удачи. Назвался «неудачником» и сиди себе. Именно «неудачником»! Не «дураком», не «неучем», не «слабаком»!

То есть получается, что ты и умный, и образованный, и сильный духом! А не повезло...

Вот Светлане Владимировне повезло! Она удачно вышла замуж за VIP-менеджера нефтяной компании! Когда-то... Он ее устраивал к нам. Они в разводе, давно... Хотя она и закончила не журфак, а пединститут; и работает в газете всего два года, а не семь; к тому же женщина...

Впрочем, быть женщиной в наше время... Или голубым. Я же не то и не другое, и потому на побегушках у Светланы Владимировны. Блин... И ей я правлю «гениальные» статьи. При этом млею и мечтаю! Напрасно!

Время десять, а ее все нет. Придет, а шеф даже не поинтересуется: «Где вы были, почему задержались?». Стоит мне на пять минут задержаться... Сарказм в каждом слове: «В пробку

попали?»). Да! В метро есть пробки! Но они под землей! Их не видно не из космоса, не из окна чиновничьего лимузина! И мой шеф – Василий Сергеевич Железнов, их не видит, потому что до работы добирается на личном «Вольво»!

Хотя я сам виноват – график то у нас как бы свободный, а я в восемь тридцать уже на рабочем месте. Придет товарищ Железнов в девять, раньше ни разу не замечал, я сижу, работаю, так сказать. И всегда так. Всегда! И вдруг меня в девять нет! И сразу: «Где вы были? Почему задержались?». А мне... Нет бы понахрапистей, по наглomu как-нибудь. Сюсюкаю, оправдываюсь.

Вот и Светлана Владимировна перешерстила, слегка задев краешком своего искрящегося плаща, слегка кивнув, чуть улыбнувшись. А следом два пажа-практиканта. На меня ноль внимания.

Хорошо! Представляю свою рожу! Вон Фот зубы скалит. Подмигнул. Гад! А еще друг!
Все... Писать о Булкине... Бабулкине.

А практиканты – дураки! Они думают, что, если Светлана Владимировна пишет о своей работе в качестве массажистки в подпольном салоне («по зову сердца пошла я усладить ненасытных»), значит и им обломится. Да она там никогда и не была! Хотя? Может раньше, до редакции, до замужества? И чего ее муж бросил?

«Вот к Бабулкину...»

Не так...

«Фото Бабулкина мне прислали на Е-мэйл.

Не первой десятки! Не работа – шабашка!

Так подумал я, заряжая издавший виды Ремингтон».

Стоп. Чушь! Какой Ремингтон? При чем тут Ремингтон?

Все из-за Светланы Владимировны...

Женится надо! И мать успокоится. А то достала! Мало ей внуков от Таньки!

Интерфон моргает.

– Да Василь Сергеевич.

– Женя, зайди ко мне.

Так и есть – Виктор Николаевич и Василий Сергеевич, сквозь стекла «аквариума» изучают мою личность. Значит опять буду задавать вопросы, терпя оскорбления, за которые других убивают! Судьба!

Виктор Николаевич выскользнул из кабинета шефа за мгновение до моего появления в нем. Прощыгнул без ухмылки. Странно...

– Заходи, садись. – Вежливо. Культурно.

– Роман пишешь? – Участливо поинтересовался Василий Сергеевич и переключил свое внимание на стол с бумагами.

Наверное, мои глаза выпучились, как при базеновой болезни, губы точно изогнулись обратной улыбкой:

– А-а-а...

– Что? – Железнов поднял голову от бумаг.

– Почему вы так решили? – Я успокоился. Ну и гад же этот Попов!

– Что решил?

– Ну это... Что я роман пишу.

– Эх, Евгений... Я же опером... – И кинул взгляд вверх поляризованных стекол. Он всегда так, когда к человеку с сочувствием. – Вот ты, когда будешь соответствовать профилю отдела?

– А что я? – Всегда он ко мне с намеками.

– Ты вчера утром что делал?

Пожимаю плечами – не помню.

– Вчера ты пасьянс раскладывал.
– Не раскладывал! – Наверное, он прав, но...
– Да? А что еще можно делать, лениво водя мышкой, тупо глядя в экран, развалившись на офисном стуле как в шезлонге на пляже?
– Читать сводку новостей в интернете! – И честно глядеть в глаза начальству.
– Молодец! – Головой покачал, брови выше стекол всплыли. – Быстро соображаешь! Только когда сводку читают – мышкой вверх-вниз водят, а не тупо туда-сюда.
– А что нельзя? Все равно никого нет... На рабочем месте!
– Вот здесь ты не прав. Играть – нельзя, не в детском саду. А кто где – это вопрос ко мне, к руководителю. И спрашивать мне.

Что я могу ответить? Я только глубоко вздыхаю.

– А сегодня ты быстро-быстро клацал по клавишам, стреляя глазами по сторонам – не видит ли кто. – Быстрые у него переходы. – Когда я вошел, сделал вид, что ничего не делаешь. Вот это неправильно! Писать надо! И опыт, и стиль, а возможно – и деньги, и слава! Пиши! И газете плюс!

Вот ненавижу себя за это, а ни чего поделать не могу – губы сами расплзлись, лицо свернулось слегка на сторону, глаза долу опустились... Пряма Табаков в роли Петра Петровича из «Механического пианино...»!

– Да! А что там по Булкину? «Убийца» нового ничего не прислал?

Видать хорошим опером был Василий Сергеевич! Как ловко у него получается – расслабить подследственного, и тут же вопрос по существу – неожиданно, как выстрел Джони Деппа! Сколько раз он со мной это проделывал! Знаю, жду, все одно – ловит!

И из красной девицы я превращаюсь в испуганного воробья, которого кошка еще не поймала, но готовая прыгнуть, держит бедного глазами.

– А вот это плохо, Кульков. – Спокойно, властно. – Это ты должен в первую очередь был сделать! Почта Николая Федотовича... – И помотал головой осуждающе. И покивал головой осуждающе. И вздохнул глубоко.

– Сейчас... Сейчас... – Чуть заикаться не начал. Эх! Хороший, видать, опер был Василий Сергеевич!

– Не надо... Ты вот что...

Глава 2.

Булкин – фамилия известная, но расплывчатая. Булкиных много, но тот Булкин – один. Один олигарх среди Булкиных. Не публичный олигарх, не такой, что в телевизоре каждый день мелькает, но тот о котором «Форбс», русское издание, изредка упоминает.

И вот убили Булкина!

А как убили! Кто только о Булкине не вспомнил! И «Форбс», и «Коммерсант», и многие, многие другие! И мы написали!

«Форбс» вспомнил как Василь Васильевич прошел путь от простого М.Н.С. и по совместительству председателя кооператива, до хозяина нескольких заводов. «Коммерсант» раскопал криминальные корни, лежащие в основе бизнеса убиенного, другие писали в силу своих знаний и предрасположенностей. Мы, естественно мой бывший начальник отдела, о последних секундах жизни олигарха Булкина, о главном событии в его жизни, о смерти – правду, только правду, одну правду!

Вот за эту правду Николая Федотовича и сняли! Посадить хотели! Ведь надо – так подробно и точно описать весь процесс! Следователи статью под стеклом держали! Все в статье имелось: и оружие преступления, и план действий, и методы воздействия на жертву... В чем одет убийца был, где мотоцикл взял, как гранату кинул, чем дверь в машину заблокировал...

Об исполнителе – ни строчки, ни буквы! И по тексту выходит, что статью как бы сам убийца и писал...

Да правду сказать... Сам убийца и писал – прислал Е-мэйл Николаю Федотовичу с подробнейшим описанием, а тот...

«В десять тридцать две убийца зашел в подъезд дома № 5 в Староконюшенным переулке, во второй подъезд, набрав на домофоне код. Спрятавшись под лестницей, он выждал три минуты. Дверь открылась, в подъезд зашел юноша, работавший аниматором. Киллер ловким натренированным движением ударил недотепу по затылку. Парень упал, предоставив свой костюм исполнителю преступления...».

Следователи нашли в одном этом абзаце факт раскрытия служебной информации – вроде как Николай Федотович, одного из свидетелей убийцу видевого вывел и чуть ли не до могилы довел – подставил.

Дом и подъезд проверили: не подъезд – проходной двор. А еще в центре!

Про мотоцикл...

«Переодевшись, убийца в костюме рыжего клоуна, быстро дошел до пиццерии «Клаудио Карнелли», и у служебного входа, сделал несколько выстрелов из травматического пистолета в охранников и угнал мотоцикл, который использовался для доставки пиццы».

Далее описывалось как убийца несколько недель изучал привычки Булкина – знал, что пытался олигарх бросить курить, но в пробках, а в центре они случались часто, все же курил – при этом люк в машине открывали. В этот люк убийца и кинул гранату.

В этом месте Николай Федотович не доглядел. Одно предложение оставил в авторской редакции: «я знал, что Булкин, когда курит, открывает в машине люк».

Машины так плотно стояли, что двери открыть никакой возможности никакой! Так этот гад, у тротуара мотоцикл остановил, сам по крышам пробежался – в люк гранату кинул и тем же манером обратно. Пока сообразили – взрыв, дым, паника...

Народу полегло... Террористов хотели искать. Тут Николай Федотович с подробным описанием...

Про убийцу многие писали. Друг у друга показания свидетелей перепечатывали, но конечно и свое добавляли. Убийца получился – клоун из американских боевиков – эдакий Бим или Бом – не помню, рыжий который. Убийца думаю насмотрелся этих американских боевиков, как-то показывали, там ребята в костюмах Элвиса Пресли казино грабнули – с жертвами, с психологическими диалогами, все как положено.

Да... Так наши конкуренты Бима и Бома кто перепутал, а кто скрестил. У одних он вышел белым и печальным, у других рыжий и смешной, у кого – рыжий в белом костюме. Совсем не профессионалы, есть к сожалению, среди журналистов и такие. Некоторые, вообще лорда Вердера из «Звездных войн» вывели: черный шлем с черным стеклом, черная кожаная куртка, черные кожаные перчатки, черные кожаные штаны, черные сапоги. На черном мотоцикле. Особые приметы: рост – выше среднего, худощавого телосложения. Про рост и сложение – все повторились.

Под такое описание кого хочешь посадить можно! Но не Николая Федотовича! Потому как он – роста небольшого, телосложения объемного, а из кожи на нем – ботинки и перчатки, но и те коричневые, под цвет дорого драпового пальто и фетровой шляпы.

А вот меня... По делам зашел на Петровку. В коридоре Николай Федотович – сидит на стульчике, глаза в пол впери, дышит глубоко, натужно... Чуть не красными пятнами пошел – после допроса видно. Я мимо иду, он случайно по мне краем глаза скользнул. Не бежать же? Подошел, поздоровался, отчитываться стал – заходил к Васильеву, по делу Побежимова... Шеф заинтересовался! Вопросы задавать начал! Больше про адвокатов, сроках, следователях. Оттаял немного.

Тут товарищ в двубортном сером пиджаке в коридоре появился. Из той двери вышел, из которой до того Николая Федотовича выпустили. Вышел товарищ и на меня внимательно посматривает – с прищуром, вроде опытный портной мерку снимает, одними глазами. Я на полуслове поперхнулся, шеф сник, платком сухой лоб вытирать начал.

– Вы знакомы? – Нагло так, вызывающе, к Николаю Федотовичу.

Шеф головой чуть-чуть клюнул, и на меня тоскливые глаза свои перевел.

– Да! Я журналист! Работаю под началом Николая Федотовича! Нахожусь здесь по делам редакции! – Мне боятся нечего! У меня не то, что приводов, мне даже ни одного штрафа ни один Гаишник не выписал!

– Уж больно вы под описание убийцы подходите... – Это товарищ в штатском. Тихо так, шепотом, задумчиво. И громко. – И работаете вместе! Да еще и подчиненный.

В глазах радость, улыбка до ушей! Дело раскрыл!

«А ведь...» – додумать я не успел, но мысль выходила скорбная.

Полковник Дятлов в это время мимо проходил – со мной за руку поздоровался. И с товарищем в пиджаке за руку поздоровался. И товарища в курилку увел.

Сел я рядом с Николаем Федотовичем, вздохнул глубоко..., и шеф вздохнул. Переглянулись мы, и молча, скоро-скоро из здания поспешили.

От шефа отстали. Но психику попортили. То он ходил с высокоподнятой головой, а тут головой поник, плечи опустил, глаза долу... Заикаться начал! Раньше на звонки реагировал величественно-благодарно, а тут сразу за трубку хватается, с собеседником сюсюкает...

Часто стал с работы уходить – то в милицию, то в ресторан пригласят, пообедать в неформальной обстановке, то на дачу...

Больше всего он не хотел на дачи ездить. Понятно – кругом леса. Вокруг дач в смысле.

А милицию люди не боятся! Сейчас. Многие – только туда! Не дай бог на свободе остаться... Мне так говорили.

Но ни чего – обошлось. Отступили от Николая Федотовича дознаватели всех рангов и мастей, подступило руководство издательства и тихо шефа на пенсию оформили. Он даже обрадовался.

Все думали на его место Виктора Николаевича поставят. Варяга взяли – Василия Сергеевича. И опять я при деле, при том же, что и при прежнем шефе – статьи правлю. И почту читаю. Электронную.

Железнову новую завели, но и старую – Николая Федотовича, удалять не стали. Потому как на этот адрес кроме спама, присылали еще: письма читателей; «настоящую литературу», в которой разобраться мог только «Уважаемый Николай Федотович, с его чутьем журналиста», после ухода этого «уважаемого», разбирался я; послания с угрозами – ими, со злорадной улыбкой, разбирался новый шеф – Василий Сергеевич; «стоящая» информация – делились с полицией; и много, много другого...

Приходили и послания от убийцы господина Булкина.

Через две недели, после увольнения Николая Федотовича, от этого киллера приходит сообщение – с фамилией... Такая фамилия! Булкину до такой фамилии – работать, работать и работать! Прогоров! Олигарх из первой десятки «Форбса»! В письме убийца просит о готовящемся покушении в газете сообщить, чуть ли не на первой странице.

Об этом желании киллера сообщили и в полицию, и в ФСБ, на всякий случай, и, естественно, в службу безопасности этого самого олигарха с большой буквы. Официальные следователи думали, думали – исполнить желание автора письма или нет – да так ни чего и не надумали. А вот из службы безопасности известного холдинга ответили – «Нам пуфику! Тираж, небось, поднять хотите? Печатайте. Мы...», и много о себе хорошего. Напечатали.

Хвальбишку, из службы безопасности известного холдинга, выгнали, потому как покушения никакого не было, а акции холдинга в цене упали. Известный олигарх, только от одного

сообщения о своей возможной кончине, потерял денег больше, чем от кризиса мировой валютной системы. Нет... Потом, конечно, он эти потери «отбил», по слухам даже у миноритариев, под это дело, по дешевке активы выкупил, а после того как не умер и цены опять прежними стали..., впрочем, я в этом не разбираюсь, но скандал по поводу... Больше писем от преступников мы не печатали!

А письма были! Тот же убийца, и опять по душу богатого господина. Мы опять всех предупредили, на уступку преступнику не пошли, а он, преступник, слово сдержал – богатого господина на тот свет отправил!

Шумиха, оскорбления, наезды! Ведь мы такие же жертвы, как и Булкин, и Мураховский, это второй убитый – человек не бедный, но откуда-то из провинции и не особо знаменитый... И господин Прогоров...

Слава Богу прекратились послания! Но почтовый ящик Николая Федотовича оставили. На всякий случай.

Глава 3.

Василь Сергеевич глаза, хоть они за зеркальными стеклами, в сторону отводит, с огромным вниманием в верхнем ящике стола ищет что-то, и так невзначай кидает:

– Ты, Жень, Лушкину Маргариту Леонидовну, давно знаешь?

Вот что-то, а память у меня отменная! Если слово услышу, в нашем деле слова знать – первейшее дело, помню! А уж фамилии! Не забываю.

– Совсем не знаю, Василий Сергеевич. А что?

Железнов от ящика оторвался, на столе пальцем пыль перебирать начал.

– Да так... Соседка это твоя. Напротив живет.

– Да?! – Соседей надо знать! И не только в лицо, не только плохое. Фамилии, имена, а если человек в возрасте, то и отчества – записывать необходимо. – И что? – Я решил, что соседку убили, соседка не простая, и статью бы написать с подробностями о душевной теплоте убиенной, а журналист Кульков о старушке...

– Звонил сегодня «Спамер», – мы киллера, который письма слал, «Спамером» прозвали меж собой. – С номера этой самой Маргариты Леонидовны.

Опаньки! А убийца то – под самым моим носом, оказывается, обитает!

– Ну!!! – Наверное в свой невольный возглас я вложил столько искреннего удивления, что Василий Сергеевич о пылинке на столе забыл и в мои честные глаза своими зеркальными стеклами уставился.

– Да, Жень. Позвонил в полицию и предупредил о готовящемся убийстве. – Сказал Железнов, и отвалился на спинку кресла – осталось ноги на стол и сигару в зубы – Терминатор в роли шерифа Скруджа.

– Кого на этот раз? Опять олигарха?

– Нет... Не олигарха. Убийство должно быть ритуальным.

– Так может это и не Спамер?

Василь Сергеевич пожал плечами:

– Может быть... Он обещал подробности на почту Николая Федотовича переслать... а ты значит не смотрел пока...

– Я мигом! – Мое движение к двери шеф прервал тихим, не должным быть, замечанием: – Не надо. Я программиста вызвал... Пусть у меня настроит. Ты вот что...

Железнов вернулся к невидимой пылинке.

– Иди сегодня домой. И завтра на работу не приходи...

– Завтра суббота, я и так выходной.

Шеф стрельнул правым глазом поверх поляризованного стекла.

– Ага. Ну и хорошо! Но ты вот что... Ты не просто сиди. – Он облокотился на стол, подавшись вперед. Понизил голос до шепота: – Я так понимаю – ты соседей не знаешь?

Словно в гипнотическом трансе я несколько изогнулся к столу, кивнул и заговорщически подтвердил:

– Нет, Василь Сергеевич, не знаю... Почти. – Честно закончил я.

– Ага... Вот и узнай. Фотоаппарат есть или у Фота спросить?

– Есть! – Гордо выпалил я.

Совсем не давно, находясь под влиянием обольстительного повествования Андрюхи Фота о творчестве художника с камерой, я приобрел зеркалку Кэнон. У Андрюхи. Он их менял часто. Новая в магазине появиться – тут же берет. А старые, продавал: знакомым, коллегам, друзьям. Я у него в друзьях числился, потому он мне к камере объектив совсем дешево подогнал. Очень хороший объектив – серии Л, с увеличением... Времени все не было свободного в парк сходить – опробовать. Вот теперь пригодится! Весь подъезд... Весь дом перефоткаю!

– Вот и хорошо. В понедельник с подробными отчетами!

Да! Стать центром притяжения преступного мира – для журналиста криминальной газеты, для писателя детективного жанра, в общем для меня – мечта!

Я медленно вышел из «аквариума», медленно проследовал к своему столу, выключил компьютер.

Эх! Надо было почту проверить! Вдруг письмо есть! А ладно...

Значит, поездка на дачу к маме и очередное знакомство с очередной дочкой очередной соседки отменяется. Задание редакции! Важное задание – не поход в суд за сводками; не интервью у только что вернувшегося с зоны вора в законе еще ни чего в окружающей действительности не понимающего; и не правка статьи заведующего отделом Железнова Василия Сергеевича!

Странно – начало рабочего дня, я спокойно ухожу, и никто не обращает на это никакого внимания? Фот оторвался от экрана, лениво скользнул по мне глазами – ноль. Вроде ничего не происходит.

– Пока. – Тихо говорю я Андрею поравнявшись с его столом.

Кивок в мою сторону...

– До понедельника. – Пробую я вызвать хоть какой-то интерес к своей особе.

Помогло.

– Ты что, сегодня больше не появишься? – Таращится Андрюха.

Я чуть поджал губы, одними глазами осмотрелся и слегка поводил головой из стороны в сторону.

– В суд? – На грани слышимости прошептал Фот.

Я сморщил нос.

Его брови приподнялись, ресницы разбежались подальше друг от друга:

– Тебя, что уволили?

Уволили?

– Почему уволили? – Мое высокомерие рухнуло и разбилось

– Ну как? Раз не в суд... Или интервьюировать?

– Да нет... – Я махнул рукой. – На задание. – Тихо-тихо.

Андрей sprыснул, мотнул головой и вперился в монитор, весь экран которого занимала морда измученной старостью, болезнями и голодом коровы. На морде сидело много мух. Я не биолог, но все они казались давно знакомыми дрозофилами. Почти.

Андрей увеличил изображение. Теперь на экране была только муха, расплывчатая, толстая... Фот поколдовал над клавиатурой, поводил мышкой – тельце мухи стало зловеще бордовым, хоботок удлинился, глаза пожелтели. Страшное порождение враждебного космоса сосало из родной вологодской буренки темную кровь!

– Это ты что? – Я потыкал в экран.

– А-а-а... – Протянул фотохудожник. – Для одной газетенки, шабашка. Мухи-убийцы высосали кровь у стада коров... Кажется.

– Где? – Мне стало страшно.

– Ну ты даешь! – Фот скривился, да еще у виска покрутил. – А еще журналист! Да...

– Жулик!

– Дурак!

Обменявшись комплиментами, мы расстались друзьями.

Глава 4.

Хорошо в рабочий день не работать! Сиди себе дома, на кухне, у окна – пей чай, лениво лови краем уха треп радиоведущих, слушай музыку, жалей случайных прохожих, вынужденных тащиться под серым холодным дождем... Хорошо! Конечно, если бы светило солнце, или под окном не серел обычный московский двор, запруженный машинами, а текла быстрая река и стояли мангалы – радости было гораздо меньше.

Однако, после третьей чашки чая, и восьмой однотипной песни из приемника, я заскучал. Прохожие брели, и все мимо. За полтора часа моих наблюдений я сделал сорок фотографий. Тридцать семь удалил как лишние – не соседи. Потом вообще перестал фотографировать, ограничился наблюдениями. Если кто подозрительный будет... Тогда шелкну, а так...

Неудобно следить. Хоть из окна кухни и видно оба наших подъезда, но что бы хорошо разглядеть входящего, приходится чуть ли вдавливать в стекло. С балкона конечно лучше, но холодно.

Глаза сами собой провожают девушек. Сколько их! И все симпатичные. Курящих много. На детях может сказаться, и так экология...

Я же преступника должен выследить! Вон мужик подозрительный. Куда же это...

Симпатичная какая...

Стоп! Все! Наверное, права мама – жениться пора! Старается мама, невест ищет! Вдруг нашла соседку красавицу? А я завтра не приеду, не познакомлюсь! Просижу тут, в окошко как бабулька какая...

Ага! А вот и бабулька. Восьмой этаж. Почти напротив – только выше. На меня уставилась. Подумает еще, что я... Преступник! Точно. Сижу, слежу, фотографирую.

Нет... Тогда уж следователь. Частный сыщик. Во – самое то!

А если к этой бабульке... Так мол и так – журналист отдела криминальной хроники Кульков Евгений Валентинович! Не могли бы вы помочь и... а что ей? Все одно в окно пялится.

А интересно кто же эта Лушкина Маргарита Леонидовна? Три года в доме живу, а никого не знаю!

Вот хорошо бы эта Маргарита была молодая и красивая! И не преступница, а жертва! Да. Преступник ее обманым путем затащил в... Нет – лучше запугал! Взял в заложники ее папу богача! И тут я ее спасаю, папу освобождаю; мы женимся; я описываю все это в книге; становлюсь знаменитым, богатым; мы живем за городом... Ново-рижское направление хорошо – там и экология, и пробок меньше, и до работы ближе... Нет! Какая работа? Я же богатый и знаменитый писатель!

По выходным к нам будут приезжать друзья. С детьми. У меня же будут дети! Мальчик и девочка. И Фот со своей...

Фот холостой и жениться не хочет! Зря! Семьями дружить так хорошо.

Постоянно меняет девушек, как фотоаппараты. Правда они ему для этих фотоаппаратов и нужны – он всех и все только сквозь видоискатель и видит! Счастливый человек! Нашел себе место в жизни.

Лера! На Лере он хоть завтра жениться. Только Лера себе все ищет...

Только все равно – девушка – это не будущая фотография! Девушка это...

Вон к той бы он точно прицепился. Страшненькая, но на фотке выйдет...

Черт! И я туда же! Вот ведь Андрюха и меня в свою религию...

А это кто в наш подъезд? Лицо кавказкой национальности. К кому?

Как представлю себя со стороны... Быстрее к глазу! Сосед-извращенец, стукач-трюкач, грязный подглядыватель!

Человека нет, да может и вообще на другой этаж пойдет... На лифте едет. Вообще не определишь...

Оп-па! Лифт на площадке нашей остановился!

Парень молодой... Чеченец! Или дагестанец... Или осетин?

И прямо в квартиру Маргариты!

Интересно – где они познакомились? Сколько ему – лет двадцать, двадцать пять... Примерно моего возраста. Значит и Маргарите столько же... или поменьше? А может больше?

Не важно! А важно то, что вот этот террорист взял в заложники ее папу и...

Стоп! Какого папу? Если бы папу – телефон бы на папе...

Так он же богатый! Папа ей квартиру купил, а сам на рублевке, в Жуковке какой-нибудь, или в Барвихе...

Будем в Барвиху на выходные...

Стоп! Успокойтесь и думать по делу.

Как же ее спасти? Нужен план! У вас есть план, мистер Фикс? У меня есть план, мистер Фикс!

А у меня плана нет. Жаль...

А если наоборот... Если эта самая Маргарита... Леонидовна. Эта Маргарита Леонидовна – самая прожжённая преступница на свете? Если это она, этого молодого, не опытного, не грамотного юношу соблазнила и использует в своих гнусных целях?

Точно! Булкин был ее любовником. Когда Булкин нашел себе более молодую, она соблазнила этого чеченского юношу, и юноша убил Булкина! Точно!

Значит она зрелая и опытная... И когда я подберусь к разгадке ее страшной тайны, гражданка Лушкина, эта Маргарита, эта страстная, опытная, прожжённая и с большой грудью, как у Светланы Владимировны...

Тьфу! Жениться надо!

Только сперва – с соседями познакомится. Три года и не одного...

В прошлом году, летом, жара стояла. На лавочке пиво пил. Парень подсел – Вадим. Из нашего дома? Даже не спросил. Но выпили хорошо! Напились, можно сказать! Он кажется психологией занимается – преподает или работает... Все журналистикой интересовался...

А может плюнуть на газету, на Железнова? Время есть. На работе писать не дают, дома займусь. Преступников пусть полиция ловит.

Ноутбук на кухню. Чай. Нет... Кофе. Свежезаваренный, ароматный кофе.

Итак...

«Как к Бабулькину...»

Что-то фамилия не благозвучная – Бабулькин.

А если эта Лушкина – пенсионерка? Старушка? И ее взяли в плен боевики!

В интернете посмотреть? Может там, что на Лушкину есть?

Около окна лучше ловит. Лох этот Артур – кафе открыл, Wi-Fi провел и весь дом в интернете на халяву. Спасибо тебе Артурчик.

Лушкина... Маша в Фейсбуке, Юля в Контакте, Лена в МоемМире... Лушкина гора в Краснодарском крае. Маргариты Леонидовны нет!

Во – модель Катя Лушкина. Родственница? Надо проверить...

Симпатичная. В полный рост, в купальнике, на мероприятии... Да тут целое агентство! Сколько их тут молодых и симпатичных!

Так... Оля Белая, Дарья Черная... Псевдонимы? Дарья ух! Так бы...

Жениться что ли?

Давно я близко с женщинами не общался. Ох давно!

И что мешает?

Время жалко! Вбил себе в голову, что гениальный писатель! Кончилась личная жизнь!

А ведь Леночка Белолобова, осенью мамуля познакомила на даче, не того же ли поля? Культурно так все начиналось... Все художественные музеи с ней обошли! Как выставка какая – мы первые... Я первый! Возьму билеты и жду. Она меня за пажа держала. Поди, подай, пошел на... Не мешай!

Поцеловались и сексом занялись недели через две... Так себе – вроде нужно, а то как же... Придет и о высоком рассуждает. О роли художника в истории. О великий Моне, о несчастный Мане... Я в это время на кухне – над ужином колдую.

Люблю хорошо поесть. Люблю, но и готовлю! К приходу Леночки, приходила она по вторникам и четвергам, или кролика в винном соусе с прованскими травами, или седло барашка в духовке, или плов по всем правилам, или... Чего только не готовил! Каждый раз – что-то новенькое. И вино, и свечи, и цветы...

Посидим, покушаем, вина попьем...

– Ты иди в душ, а я постелю. – Это Леночка в первый раз так – скромно и деловито.

После поцелуя. Второго или третьего? Второго. Первый так прошел, в скользь... а второй долгий выдался. Вот после него, скромно, спокойно, по-деловому...

– Где у тебя бельё? Диван только разложи.

Разложил диван, дал простыни, подушки... Она зачем-то все понюхала...

Я помылся, выхожу – стоит у двери, ждет. Нырк, и закрылась.

Лег, жду. Пришла. Быстро полотенце с себя сняла, аккуратно на кресло положила и ко мне. Пару раз поцеловались, потерлись, она руку под подушку и презерватив протягивает.

– Не знаю какие ты предпочитаешь... Это обычный. Пойдет?

Какие с таким человеком отношения будут? Деловые. Это я так думал. Леночка считала – духовные! Ведь она много говорила о живописи, пока я готовил на кухне.

По субботам я к ней ходил – она с родителями жила. Родители на дачу, мы сексом заниматься. Она тоже готовила... Разогревала, что мама оставит. Поставит в микроволновку, и о высоком! Все о высоком и о высоком.

На кухне поужинаем и в кровать.

По воскресеньям на выставку. Иногда в театр или в кино.

Клубы – редко, очень редко. Своеобразные, с волосатыми господами за шестьдесят, с немытыми дамами за сорок, или напротив – с изысканно-вычурно одетыми, гламурно стриженными и пахнущими Дольчей и Габбаной.

На дачу приедем – я к своей маме, Леночка у своих родителей. Совместное поедание пищи идет, обед или ужин – когда как, моя маманя намеками:

– Вы уж смотрите, деточек не заведите до свадьбы...

А Леночка просто, так:

– Какие дети! Мы же предохраняемся. Да и вообще – сперва карьеру сделать... а я еще не доучилась.

Мама у меня современная, но старомодно воспитанная. Куском не давилась, а глазки долу опускала.

– Что же ты к Женечке не переедешь? Если вы... – И опять глаза опустит.

– Нет, Вера Георгиевна. От Евгения Леночке до института добираться далеко. – Это Вячеслав Петрович, Леночкин папа.

У нее родители современные, деловые. И как дочка такая духовная получилась?

Внешность у Леночки конечно эффектная! И смотрелись мы... В клуб какой зайдём – все внимание обращают. Она – высокая, худая, бледная... Волосы рыжие, чёть ли не красные, распустил! Глазами зелеными сверкает! И платье, или кофточка, или свиторок – темной рамой всю ее красноту, бледность и зеленость оттеняют. И я рядом – такой же рыжий, волосы дыбом, бледный, в темных очках, в потертом твидовом английском пиджаке... Пиджак она мне подарила. Специально. Думаю, если бы не мои рыжие волосы, так подходящие к ее рыжим волосам, у нас никогда бы ни чего и не было.

Но было и было. Хорошо, что кончилось. Однажды, враз и навсегда.

В субботу, как обычно, поставила она, голубцы кажется, разогреться, и о новом веянии в живописи что-то... Возбужденно, руками даже движения возле головы... Я как-то обычно – киваю, губы плющу, поддакиваю, глазами временами тарашу. Леночка вдруг резко замолчала, с прищуром на меня уставилась. Минуты две изучала, а потом как-то обреченно, но решительно, вроде как самое свое сокровенное:

– Пошли! Покажу!

В зале, диван уж приготовлен – она его заранее разложит и заправит, открыла она шкаф, порылась у его дальней стенки и вытащила картину в простыню завернутую. С дивана постель свернула быстренько, сложила его. Простыню с картины сняла и на диван поставила.

– Ты смотри... Я на кухне буду. – И ушла.

Смотрю я на картину, понять не могу. По-моему... Не понимаю я этого искусства нового. Хотя Пикассо – нравится, и не «Девочка на шаре», а портрет мецената какого-то, в Пушкинском музее висит... А это?

Время тяну. Что сказать? А Леночку не слышно – вроде замерзла на кухне. Я к коридору тихонечко, в кухню заглянуть крадусь... Хитрый народ эти бабы! Она меня в зеркале рассмотрела – у них зеркало в коридоре висит, и если в зале к двери подойти, то с кухни видно будет. А я крадусь!

Леночка с кухни, глядя в отраженные в зеркале мои глаза:

– Ну что? Как тебе? – Голосок дрожит, похвальбы требует. Надежда в голосе, но и страх – ведь я от картины сбежать по-тихому хотел.

Я возьми и ляпни:

– А откуда у вас Пикассо?

Что тут началось! Я и дурак, и придурок, и скотина! И в искусстве ничего не понимаю! И сколько она на в меня своей души вложила, чтобы я! А я! И даже несколько матерных слов... В общем выгнала меня взашей!

Я первое время переживал. Мама позвонила, пожурила – как это я так современную голландскую школу от древнего кубизма не отличаю? Что Леночка пишет по всем правилам этой самой современной..., впрочем, слушал я в пол уха. Потом успокоился, обрадовался... Затем как-то потянуло к ней... Четверг кажется был... Позвонил, не выдержал. Вячеслав Петрович трубку снял и попросил больше не звонить. Я Леночке на сотовый – сбросила и в черный список внесла.

Уже полгода без женщины. Жениться что ли?

Хотя... Толи мне не везло, толи они все такие – деловые и холодные? Порнуху включишь – так, как только не извиваются! И охают, и ахают, и «еще-еще», и «давай-давай»... Конечно понимаю – искусство! Искусство может и преувеличить. Ведь ночью ни каких «давай-давай» и «еще-еще» из-за стен не пробивается. А вот «Ура! забили!», это когда Спартак выигрывает, во всем подъезде слышно. А за Спартак только Витька с первого этажа болеет. А женатых людей в подъезде... много! И ни один, ни одна, никогда! Ни «давай-давай», ни «еще-еще»!

Вот у меня... Только Вика... Викуся, Виктория моя! Не кричала конечно, но сдерживалась. Это было. Всего с одной. Ушла! Увели...

Это уж в институте, на втором курсе. На дне рождения у Кольки Воскрибенцева. Выпили понятно, танцевать стали... Как поцеловались? Ведь сразу взасос! Как магнит какой нас при-тянул друг к другу! Слились в экстазе!

Нет... Конечно – просто поцеловались, пока танцевали. Один раз – но долгий такой поце-луй получился. Проводил её – она не местная, в общежитии жила. Дружить стали – кино, кафе, клубы... Целовались, терлись, обнимались... Потом и секс. Почти как эротических фильмах – со страстью, с поцелуями, со вздохами... И без всяких: «ты какие презервативы предпочита-ешь?». Правда иногда: «Сегодня не в меня... А то могут... Или...». И замолчит, вроде спра-шивает – хочу ли я детей? В любви то признавался... Она клялась. Здесь бы следующий шаг – жениться да детей.

Характер у меня скверный! Все рассчитать, да прикинуть! А правда она меня любит или, как маманя жужжала – только за москвича выскочить и прописку получить? А где жить будем? А на что детей кормить?

Уехала моя Вика в Ярославль, на лето к родителям, и не вернулась. Замуж выскочила – быстро как-то, торопясь. В свой, в ярославский, институт перевелась. Больше мы не виделись.

Переживал я! Ох переживал...

Да! Единственная... Вторая.

Первая – Юлька, одноклассница. Отличница. Ее все считали занудой. Не красавица, но и не страшная. Худая! То есть совсем-совсем худая! Тошная!

Как оказался у нее – не помню. Толи газету делать, толи к контрольной готовится... Дома никого – родители работают. Она возьми и спроси:

– Ты Кульков сексом занимался? – Слегка только покраснела. И глаза сразу отвела.

Если бы Колька Воскрибенцев спросил, или там Влад... Я бы конечно и о Кире, у бабушки в деревне, и о проститутке Венере, и о тете Лене из второго подъезда... Соврал, да еще бы и подробно описал как я с Кирой, с Венерой и с тетей Леной!

– Нет. – Выдохнул и все.

– А давай попробуем... – Сама в сторону смотрит. – а то девчонки болтают...

В шестнадцать лет, не то что... У меня тут же в боевую готовность...

Прямо в ванной, секунд тридцать... Больше примерялись и кряхтели. Думаю, у обоих, кроме разочарования и стыда...

Через месяц опять попробовали. Уже на кровати. Дежурные, холодные поцелуи, быстрые поглаживания, и полторы минуты фрикций... Кроме боли... Опять взаимной.

– Врут дуры! – Сказала Юлька в тот раз и больше меня в гости не звала.

Я подумал тоже самое, с произнесением последнего слова в мужском роде и... Все же Юльке намеки делал... Но она обидела:

– Занимайся онанизмом – гораздо проще.

И я больше к ней близко не подходил, вроде и не знаю ее даже, вроде и не она моя первая женщина, и не я ее первый мужчина...

Воспоминания, воспоминания...

Жрать что-то хочется...

Время – второй час!

Глава 5.

Люблю повеселится, особенно пожрать!

Для того, чтобы хорошо покушать нужно самому это покушать приготовить.

Среди москвичей много несчастных людей – это москвичи в третьем и более поколении – у них не было и нет ни бабушки в деревне. Что такое бабушка в деревне? Это сметана, это

пирожки, это парное молоко, это чистый воздух, это лес, это река, в которой можно ловить рыбу и эту рыбу потом можно есть, это...

У меня есть бабушка в деревне! Баба Маня. Давно, ох давно, не навещался я к своей бабушке. Вырос?

Лето. Будет лето, и я не поеду ни в какую Турцию, плюну на Кипр, отрекусь от всей Европы и Азии и к бабушке, в деревню, в российскую глубинку, в бескрайний Оренбургский край!

Именно оттуда большинство вкусностей, которые я готовлю. И пельмени, сегодня я сварю себе пельмени, я научился делать там, у моей бабули.

Несчастные москвичи в третьем поколении! Они не знают, что такое пельмени! Не все конечно... Андрей Фот, ведет свою родословную от обезьяны обитавшей на территории нынешней Москвы еще в доисторическое время, однако настоящие пельмени пробовал – у меня.

Я вообще-то тоже коренной москвич, по материнской линии. Это отец из оренбургских казаков – приехал в Москву на геолога учиться, в институт имени Губкина. Учился, учился и женился – на маме. Скоро и я появился. После учебы поехали родители в степь – нефть добывать. Отец привычный, а маме не климат – ни музеев, ни театров, а самое главное – пельмени самой лепи. Котлеты, голубцы, тефтели – опять самой! В магазинах, хоть кругом и развитое сельское хозяйство, да и в городе три мясокомбината, шаром кати – нет ни чего. Продукты только на рынке! Однако продукты – всем продуктам продукты! Но... Мама развелась и уехала. И меня забрала. На лето, правда, всегда к отцу отправляла, а сама личную жизнь пыталась наладить.

А у отца личная жизнь налажена. У него в этой жизни и жена, и двое сыновей – братья мои. И третий сын для него... Точнее не для него, а для его жены, отец почти все время на работе... Ну вот меня, да не одного, а с братьями моими меньшими – в деревню, к бабе Мане. И все лето мы там!купаемся, рыбу ловим, по садам набеги устраиваем, в лес за ягодами и грибами... В выходной – пельмени лепим.

Рецепт я усовершенствовал. Баба Маня в тесто воды много льет – так легче катать, и летом не так быстро тесто засыхает. У меня же воды – чуть-чуть, в основном яйца и мука. Соль. Тесто желтое, как солнышко. Лепешки делаю тонкие-тонкие, почти прозрачные. А вот фарш...

Зимой, когда метет метель, и сплин английский в душу лезет... Я делаю самые лучшие, самые вкусные, самые-самые пельмени. Торопится не куда и мясо для фарша не через мясорубку, а режу вручную ножом. Долго! Но зато пельмени...

Мясо для фарша беру трех сортов – говядина, свинина и баранина. Обязательно – курдючное сало. И лука побольше. Поперчить, посолить, чесночка немножко.

Пока фарш делаю – тесто в холодильнике доходит. Понемногу его потом отрезаю и катаю. Слепил пельмень и на противень – подсушиться. Подсохнет, обвертится слегка – тогда в морозилку, если не варить сразу.

Но это не все. Варить их надо в бульоне. В жирном бульоне. Я свиное сало в пельмени не кладу, а из него бульон делаю – жирный, наваристый. Укропчику туда, лаврушки... Можно сельдерей и петрушку. Это когда Фот приходит. Любит он извращаться...

Ну что ж – бульон скоро сварится...

Звонит кто-то.

Фот! Унюхал?

– Ты что это не на работе?

– Пельмени? Угостишь?

– Угощу... Ты что не на работе, я спрашиваю?

– Фантомас к тебе в подмогу прислал. – «Фантамасом» он шефа – Железнова – прозвал, и считает это прикольным и оригинальным.

– В какую подмогу?

– По соседям пройти, фотки сделать. Вот – бумажку прислал, а это, – он открыл блокнот и оторвал первый листок, – Виктор Николаевич надиктовал, пока подвозил.

– Что надиктовал? – Наверное я немного взвизгнул. Андрей отлепился взглядом от кухонного проема и странно посмотрел на мой рот.

– Вопросы. Для соседей.

Отстранил меня рукой и прошел в кухню.

– Пельмешки! – Пропел Андрюха. И столько в эту песню он вложил детской непосредственности, что простил я ему и его приход, и Фантомаса, и Виктора Николаевича с вопросами. – За водочкой сбегать? – Так смотрят только дети на матерей, и так смотрел Андрей Фот на меня.

Но я не мать! И не отец.

– Нет! – Твердо произнес я, и в это время мой сотовый заголосил: «Шеф звонит! Шеф звонит!».

Андрей развел руками, успокоил жестом – сварю без тебя. Я нажал клавишу ответа.

– Да, Василий Сергеевич! – Определитель номера делал свое дело. Привычное «Алло», сменялось на обычное приветствие, и никто теперь не удивлялся: «А откуда ты узнал, что это я звоню?».

– Жень... Я тут тебе Фота, в помощь, отправил.

– Спасибо. Я и сам бы...

– Да. Конечно. Только тут такое дело – там соседка, напротив, о тебе в полицию звонила...

«Фак!» – ругнулся я про себя, не русским ругательством.

– Ты бумаги уже посмотрел?

Что тут Андрей отдал, так... Список, вопросы... Вопросы нафиг! Список квартир, фамилии, имена...

– Да! Вот, смотрю.

– Это мне участковый набросал – кто, где, когда. Соседи твои, у которых может УайФай от кафешки работать...

– Да?

Всего-то – местоимение. Однако, толи голос мой изменился, еще что, Василий Сергеевич решил объясниться:

– Да. Письма, по электронке, посылали подключившись к точке в кафе. Это выяснили. Так, что тебе повезло!

– В чем повезло? – я не понял намека.

– Ну... Как... Преступник под самым носом – материал твой, если что...

Вот это действительно – повезло! Ведь это действительно – материал! «Рядом с убийцей!». Нет! «Под прицелом киллера». Или...

– И интернет – халявный! – Продолжил Василий Сергеевич совсем не в свете творческих планов и надежд.

– Да... – Согласился я с выпавшей удачей, жить рядом с бесплатной точкой доступа в инет, откашлявшись. «Спасибо» вышло из меня сухим «кхе-кхе».

– Болееешь? – Участливо поинтересовалось начальство.

– Да нет... Так.

– А-а-а... Ну ты что о следующем убийстве то думаешь?

– Каком убийстве?

– Как же... Ритуальном.

– Ритуаль...

Дурак! Ведь убийца должен был прислать подробности готовящегося убийства! Да еще ритуального! А я... Я! Забыл!

– Василь Сергеевич! – Взмолился я. – Перешлите мне, пожалуйста, письмо это, а то я ничего не знаю.

В трубке запыхтели.

– А как? – После долгого молчания поинтересовалась трубка.

Я пустился в долгие объяснения: «нажмите клавишу... да-да, справа... а теперь... где русская «л» ... да... вот... вверху, слева...». Фот заглянул, облизнул губы, закатил к потолку глаза, а я все объяснял, объяснял...

– Ушло! – Выдал шеф радостную весть.

– Ловлю! – Я.

– Перезвоню. – Пообещал Железнов и отбился.

Пельмени оказались в самый раз – не холодные, не сильно горячие, проваренные.

– Может сбегать? – Андрей не унимался.

– Ага! И пьяными по квартирам...

– Зачем? Гейдрих, – Это он так Виктора Николаевича прозвал, – о каком-то плане префектуры по благоустройству... Плюнь! Я этих бабок знаю! Я тебе ответы напишу за пять минут!

Я помотал головой.

– Сегодня святой день! Пятница. У нас...

– У меня. – Я решил внести ясность в вопросы собственности.

– Хорошо – у тебя есть пельмени. У меня есть деньги. Рядом есть магазин. Завтра ни куда идти не надо! А?

Я просчитывал ситуацию. С одной стороны, Андрюха прав – пятница, ехать и идти никуда не надо. К пельменям можно прикупить селедки и салатик какой...

– Вечером. – Благосклонно заверил я друга, решительно взяв ложку и приступил к трапезе.

Фот кивнул и последовал моему примеру. Ел он шумно, со вздохами, чмоканьем, прищипом. А если соседи извращенцы? Подслушивают? Что они могут подумать?

Хотя пока в извращенцы записали меня. Записала – бабушка из дома, напротив. Сама...

Только я доел, телефон разразился новой тирадой во славу начальства.

– Да, Василь Сергеевич...

– Ну? Смотрел?

– Щас! Обедал. Щас посмотрю. Я перезвоню!

Отбой.

Ноутбук на окно. Так.. Почта...

Ни фиги себе!

Андрюху отправить...

– Ну – чай попил?

Фот блаженствовал. Слегка кивнул, и потянулся к чайнику.

– За водкой кто пойдет? – Намекнул я.

– Схожу... Не бойсь. Вот еще...

– Надо, Андрей! Надо сейчас идти. – Я старался быть настойчивым.

Фот насупился.

– Зачем? Через минуту разберут?

– Мне позвонить надо. – Признался я.

– Подруге?

Медленные движения моей головы справа налево заверили его, что позвонить мне надо по делу. По важному делу.

Несколько секунд он размышлял. Затем решительно встал и направился к выходу.

– Денег дать? – Зачем-то поинтересовался я. Ведь он обещал купить.

– Давай!

В кармане оказалось триста. Я протянул купюры, Андрей махнул – хватит, и вышел.

Я сразу к ноутбуку...

Глава 6.

«В воскресенье ритуальное убийство. Церковь, праздник, имя.

Ждите!».

Значит теперь просто убийство. Фамилии нет. Есть намек на церковь, то есть место.

Что-то не похоже на нашего киллера – ни тебе фамилия, ни точного времени, как в прошлые разы.

У меня под боком церковь, рядом с парком, и есть зацепка, что преступник где-то рядом живет.

Что там Железнов за бумажку прислал? Вот!

Квартира № 37 – Власов Георгий Владимирович, Власова Вера Вениаминовна, Власов Владимир Георгиевич – вопрос.

Квартира № 38 – Гончар Борис Борисович – восклицательный знак.

Ладно, что у нас по соседству?

Квартира № 49 – Лушкина Маргарита Леонидовна – два плюса.

Квартира № 53 – Кульков Евгений Валентинович – восклицательный...

Позвоню шефу!

– Василь Сергеевич... Получил я письмо – загадочно, конечно... И вот листок вы прислали...

– Это Фот который передал?

– Да.

– Это от участкового – твои соседи.

– Это я понял... А вот знаки здесь – плюс, минус, вопрос?

– Плюс – можешь не ходить, участковый квартиру знает – наведывался, а уж если два – то всех знает хорошо. Восклицательный – под подозрением – не адекват. Вопрос – сам понимаешь – ничего не понятно – из тех, что «не был, не состоялся, не...». Разберешься.

– А тут и на мне восклицательный...

– А ты женись! Три года живешь в доме, а девушки – не постоянные, редкие и по информации майора Дергача – расфуфыренные, на проститутток смахивают. И друзья к тебе ходят... Один Фот чего стоит! Так что, в глазах участкового майора Дергача – личность ты не адекватная, подозрительная и находящаяся под пристальным вниманием! Понятно?

Железнов охарактеризовал меня четко, грамотно, по-военному кратко.

– Понятно... – Протянул я. – А вот Лушкина – целых два плюса! А с ее телефона звонили...

– Скорее всего в коробке, в телефонной подключались... Митрич всех в квартире знает и не один год – говорит хорошая семья там... Так что можешь не соваться. Хотя... Как хочешь.

– Да... Вот по поводу – соваться... А зачем соваться? Мне тут Фот от Виктора Николаевича...

– Виктор Николаевич так, – прервал меня шеф. – помочь просто хочет. Легенду вам с Андреем... Мол молодые журналисты, ленивые, по подъезду пройти решили, раз редакция задание дала, ну заодно и познакомитесь. Понятно?

– Да... В общем то...

– У тебя с чутьем журналиста как?

– Нормально. – Несколько неуверенно поспешил я уверить шефа в своей профпригодности.

– Вот и хорошо. Участковый участковым, а ты чутьем! Может унюхаешь что...

– Как собака... – Сорвалось у меня не кстати.

– Собака животное хорошее. Водку не пьет, и песни по ночам не орет. Намек ясен?

Железнов часто удивлял меня, в том числе и способностями: читать мысли, через телефон определять запахи, видеть сквозь стены.

– Нет! Что вы! Василь Сергеевич... Всего один раз! Мы пото... – Я осекся.

– И потом – не надо. Фот небось уж за бутылкой побежал?

И тут раздался звонок в дверь.

– Да нет... Покурить... Уже возвращается.

Звонок выводил настойчивую трель.

– Открывай и помни! Завтра отзвонишь. – Закончил шеф наставления.

Я кивнул телефону и отбился. Чего говорить – и так все видит, через время, через расстояния...

– Ты че не открываешь? – Андрей стоял набыченный. – Запор?

– Сам запор! Шеф звонил... точнее я ему звонил – а он уж знает, что ты за водкой пошел.

– Откуда?

– Оттуда! Ты вообще личность подозрительная! – Я сунул ему под нос листок с крестиками и вопросами. – Вот! – Мой палец очертил мою фамилию.

– Ну и что?

– Восклицательный знак. И это значит – я личность подозрительная.

– Это кто же определил?

– Майор Дергач! И Железнов, Василий Сергеевич, его определение расшифровал. Говорит – Фот, который к тебе часто ходит, на тебя всем своим видом и поведением, бросает темную и глубокую тень!

– Темную тень?

– Косуха – раз, бандана с черепами – два, перчатки с клепками – три. Ну еще – кожаные штаны, казаки со шпорами...

– Нормальный вид...

– Водку вон купил...

– Продают – вот и купил. Мы же договорились? Под пельмешки. Вот селедка, хлеб, салат... Ты че? Да и вообще – твой Дергач – туповатый мужик под пятьдесят, в грязноватом пиджаке и не чищенных ботинках! Подозревает даже детей!

– Откуда знаешь?

– Да... В магазине встретились. Почитать ему захотелось – вот я ему свой паспорт и дал.

– Представляю... – В паспорте Андрей Андреевич Фот представал образцово-показательным комсомольцем, собравшимся на ударную стройку в Сибирь – на БАМ, или еще куда. По молодости он решил, что фотография в официальном документе тоже должна быть официальной. Потому постригся, побрился и надел отцовский костюм, с Олимпиады 80 висевшей в шкафу как реликвия.

– Долго он сравнивал! – Хихикнул Фот.

Бутылку и закуску поставили в холодильник. Андрей налил себе чай. Я изучал вопросы Виктора Николаевича. Все вертелось вокруг молодежи, как-то: наркомания и алкоголизм; отношение к пожилым; сексуальная распушенность...

Сначала я читал с улыбкой – нашел что спрашивать! Уж я бы и сам бы... Скоро улыбка исчезла – до меня дошло – вопросы не просто так составлены – они с определенной целью составлены, и цель эта... Я разозлился! На Виктора Николаевича. Ведь мог бы написать...

– Андрей! – Оторвал я друга от созерцания вороны за окном. – А Попов не говорил – зачем эти вопросы?

– Говорил. – Я поднял брови и несколько подал тело вперед. – Он говорил – вы все равно сегодня полдня думать будете как с соседями познакомиться и ни чего лучше бутылки водки и новоселья не выдумаете. Лучше притворитесь молодыми и ленивыми...

– Ну, это бы мы и без него сообразили! – Я изобразил униженное достоинство.

Фот пожал плечами – его дело фотографировать, а не вопросы задавать. Он художник, а не вопросозадавальщик.

– Только зачем – он сказал ты сам знаешь.

Конечно – я знал! Но знание это находилось вне моей головы – рядом, почти в ней, почти почти... Я уже мог это знание погладить, прикоснуться к нему...

«Шеф звонит! Шеф звонит!» – третий раз за короткое время запел мой мобильник.

– Да, Василь Сергеевич.

– Евгений... Тут Виктор Николаевич... Передаю трубку.

– Алло! Евгений? – Нет! Ведущий журналист, вопросов написал кучу, а с кем говорит не догадывается.

– Да. Слушаю. – Я не стал ерничать. Мудрость сохранил в себе. Потом пригодится.

– Евгений... У меня тут вылетело как-то... Вопросы для пожилых составил... Если в квартире молодые – ты сам придумай что. Типа проблемы свободного времени, что в интернете ищите. Как туда заходите – намекни про бесплатный УайФай – может кто сознается.

– Спасибо, Виктор Николаевич. Я уж и сам додумал. – Соврал я.

– Да, да... Еще Василий Сергеевич...

– Евгений! – В голосе шефа чувствовалась неуверенность. – Ты, если с Фотом, пойдешь – переодень его. Ладно?

– Да... – Я поперхнулся. – Попытаюсь.

– Не попытаюсь, а переодень! Дергач тут про вас такое... Гомосеки говорит! У черного, это он про Андрея, серьга в ухе! Пусть вытащит! – Приказал начальник по-военному.

– Есть! – Само сорвалось с моих губ. – Конечно... Да! Обязательно. – Я поспешил перевести ответ в гражданское русло.

– Ну и хорошо. В общем ищем: молодого, стройного, спортивного... Да – скорее всего в компьютерах разбирается плохо – третье письмо с одной точки. Мне ребята, – «ребята» – это бывшие коллеги по Петровке, – ребята сказали – «если бы разобрался, на вокзалы бы ездил»... Хотя... Ну у тебя голова своя не глупая. Разберешься!

Я кивнул. Шеф кивок разглядел без телескопа.

– Фота только – переодень!

– Обязательно! – Заверил я руководство.

– Все! До завтра.

Трубка замолчала.

– Ну? – Лениво поинтересовался Андрей судьбой начальства.

– И нафига ты серьгу в ухо воткнул? – Проигнорировал я его вопрос ни о чем.

Он скривил лицо:

– А еще сын казака! – Это я уже слышал. Про единственного сына в семье, про...

Я умирил поток, выставив перед собой ладонь.

– Квартир много. – Переключился я на деловой тон. Андрей кивнул. – До вечера надо обойти. – Фот продолжал изображать верблюда в цирке, подтверждая каждое мое слово. – По одному – успеем.

– Без вопросов! На меня какие вешаешь?

Отмеченные плюсом, за исключением соседки Лушкиной, перешли под протекторат Андрея – их хоть и было больше, но ведь и проблем с ними должно быть меньше. Он возражать не стал – догадался, что туда только для проформы заглянуть надо?

– Только переоденься!

Андрей искренне изумился.

– Шеф просил. – Несколько смягчил я указание Железнова.

– И что ты можешь предложить? – Апломб, подчиненность судьбе, пренебрежение к нам, обычным не художникам...

Почти новый пиджак фабрики «Большевичка», подарок мамы, белая рубашка, бандана вместо шейного платка, очки почти без диоптрий... Совсем другой человек получился! Выпускник МГУ! Спокойная старость родителей! И это при серье – ее единственный в семье сын вынимать отказался, при кожаных штанах – мои брюки с него спадали, и в казаках со шпорами. Повесив на шею фотоаппарат, взяв в руки блокнот и ручку, он вышел в неизвестность, что бы вернуться к семи...

На семь мы назначили знакомство с «Казенкой».

Глава 7.

Я знаю простой рецепт простого счастья. Счастье легко приготовить на кухне. Достаточно сварить пельмени, поставить на стол купленный в магазине салат «Цезарь», порезать салапряного посола, открыть банку селедки, посадить за стол друга и... По пятьдесят грамм водки! Сначала.

Потом еще по пятьдесят. Хорошо закусить, поговорить...

Еще накатить и...

Вы не боитесь преступников, вы верите в будущее, вы любите людей.

– Как тебе повезло! – Говорил Андрей после ста пятидесяти. – У тебя в подъезде живут такие замечательные люди!

– Да! Как мне повезло. – Я радовался за себя – честно и открыто.

Судите сами – мы побывали в сорока шести квартирах. Я в двадцати и Андрей в остальных. И везде, везде нас угощали – кто успел... Потом конечно приходилось отказывать, просто что бы не навредить собственному здоровью. Но люди понимали.

Соседка Маргарита Леонидовна, к ней я зашел к первой, чтобы уж наверняка. Что бы сразу в бой, так сказать – спасти и обезвредить... Не с добрым лицом зашел я к доброй женщине... Не с добрым.

Жила она не одна – Ахмед, молодой парень, дагестанец, помогал старушке по хозяйству, в свободное от учебы в МГУ время. Это его я принял за убийцу. Как изменяет человека дверной глазок! Тело становится серым, раздутым, не красивым... И потому, наверное, и о человеке начинаешь думать с предубеждением.

А когда сидишь на кухне, с чашкой крепкого чая, кушаешь домашнее печенье... Нет – печенье пекла не Маргарита Леонидовна, печенье испекла мама Ахмеда. Она тоже жила у Лушкиной – торговала соленьями на рынке. И папа Ахмеда, тоже обитал здесь же... Правда квартировали они только зимой. Летом – сажали, растили, убирали овощи и фрукты в своем немаленьком хозяйстве, а вот зимой – дарили москвичам.

Как-то само собой выяснилось откуда их так хорошо знает Митрич, Дергач – участковый. На них часто писали доносы, и он часто по этим доносам устраивал проверки. Маргарита Леонидовна поделилась догадкой, что доносы он сам и пишет – после каждой проверки уходил Митрич с большой сумкой домашних маринадов. Хотя, по словам Ахмеда, и на рынке у них часто отоваривался – то есть честный человек, а не...

Вот почему около квартиры Маргариты Леонидовны стояло два крестика. Да... Компьютер у них имелся – нельзя в наше время студенту без компьютера, да и с родственниками общаться через Скайп гораздо удобнее, чем через телефон. Но компьютер Ахмеда УайФая даже не нюхал – стоял глыбой под столом и питался информацией от оптоволоконного кабеля.

От Маргариты Леонидовны я ушел не с пустыми руками – одарили разносолами, как не отказывался! Андрей, когда попробовал дагестанских даров, пытался уйти к соседке за... Если бы придумал зачем – ушел бы! Но сто пятьдесят грамм водки – это сто пятьдесят грамм! И здесь ничего не поделаешь.

Закончив с единственным, да еще двойным, плюсом я отправился по восклицательным знакам и квартирам обозначенных вопросом. С первого этажа пошел – по порядку.

В квартире с номером тридцать шесть обитал одинокий, но добрый и отзывчивый, слегка к обеду пьяненький, словоохотливый дядя Гриша – единственный сосед с которым я иногда общался, с которым общалась моя мама, когда заезжала в гости, и который общался со всеми. Тому была причина – большую часть жизни дядя Гриша проводил на свежем воздухе, около подъезда – встречая и провожая всех входящих и выходящих. В начале месяца, когда пенсия только получена – от души, просто желая всем здоровья и успехов, в конце месяца не вполне бескорыстно – выпрашивал мелочь до пенсии. Надо ли говорить – мелочь он не отдавал. Пенсионеры в мелочи ему отказывали, я и еще многие – нет. Ахмед, его мама и папа – помогали дяде Грише наставлениями и закуской. Маргарита Леонидовна – упреками и призывами одуматься. Тот ее не слушал.

Дядя Гриша выпивать выпивал, но разума, как он сказал – не терял. Все видел, все слышал и все обо всех знал. Мои, точнее вопросы Попова, он оставил без внимания. Только я заикнулся о молодежи... Он разразился долгим и пространном нравоучительным докладом, изобилующим примерами из жизни обитателей дома в возрасте от трех до восьмидесяти пяти лет. Двоих малолеток одного и полутора лет он из повествования исключил, как не способных выражать свои мысли достаточно полно для его понимания.

От дяди Гриши я пошел домой – записать все, что узнал. А узнал я не мало. К примеру, что в сорок пятой квартире никто не живет – она стояла под вопросом; что в сорок шестой обитает очень-очень милостивая особа, с которой мне просто необходимо познакомиться. Я уж собрался последовать его примеру, но выйдя от себя заметил спину своего коллеги в эту самую квартиру входящего. Мне не оставалось ни чего другого, как отправиться в самую подозрительную – в пятьдесят шестую – и по мнению дяди Гриши, и по умозаключению майора Дергача, в ней обитали...

Как оказалось, симпатичные, добрые и самое главное – талантливые ребята. Четверо парней и двое девушек приехали из Казахстана покорять Москву. Музыкой, музыкой и только музыкой. Днем они репетировали, вечером выступали в клубе. По выходным – в переходах, в парках, в метро. Понятно, что участковый их невзлюбил. И позиция позитивно настроенного ко всем дяди Гриши мне тоже понятна – я-то дома днем бываю редко, а людям в возрасте, воспитанным на «Белых розах» и «Яблоках на снегу», понять психоделический рок, да еще в трактовке молодых казахских ребят... Сложно! Я послушал и мне... Не понял я. Я так и сказал. Они не обиделись. Посоветовали заходить почаще. Дали кассету послушать. Не смог отказать – хоть магнитофона и нет. Года три как выкинул – думал не понадобится, а вон как получилось. Но у ребят просто денег на комп не оказалось. А магнитофон они с собой привезли, чтобы себя записывать и записями с людьми делиться.

Пройдя по нехорошим квартирам, я пришел к выводу, что обитают в них вполне хорошие, адекватные люди. Просто участковому не нравилось, что в пятидесятой живут восемь таджиков; а в сорок восьмой – парень сразу с двумя девушками; в тридцать седьмой – свидетели Иеговы; в сороковой – баба Вера держит аж десять собак и четырех кошек...

В общем – лайф из лайф! Как говорил ансамбль «Модерн толкинг»... Или другой? Не важно! Важно другое – подозрительных личностей в доме оказалось мало, очень мало! Если до конца разбираться – трое: парень, что жил с двумя девушками; молодой человек не пожелавший открывать дверь – со слов дяди Гриши «наркоман и бандит, хоть тихо себя ведет»; и я. Если конечно постараться, то и казахи, и Ахмед, и кто-то к кому ходил Андрей...

Вот те квартиры меня и беспокоили! Уж лучше самому...

Фот пришел лоснящийся, довольный и наполненный – впечатлениями и дарами. Как его угораздило угостится у дяди Гриши? И зачем он к нему вообще пошел? А с молодой и симпатичной соседкой Варечкой он договорился встретится. Завтра! И после второй рюмки долго расписывал её «стройный стан, детскую непосредственность во взоре, не по возрасту адекватное понимание философии абстракционизма, а самое главное – она знала фотографа Александра Родченко». Как я понял из его объяснений – понимала она не абстрактную живопись, а просто уважала поэта Маяковского, портрет которого, сделанный Родченко и висел в ее комнате.

Я расстроился! Такая девушка!

Так уж бывает – увидишь человека и врежется в память, уляжется внутри тебя глубоко-глубоко, не заметно, ничем о себе не напоминает... Это я о Варя. Я давно ее заметил – в магазине, кажется, давно... Вроде познакомится бы, да что-то все мешало. И вот однажды, так получилось – в лифте вместе оказались. И... И я ничего не смог сказать.

После всех девушек с ней сравниваю, и все почему-то хуже получаются...

Жениться? Живет в моем подъезде! Любит Маяковского...

Мы выпили. Нам стало хорошо. Поговорили. Андрей сбросил на мой компьютер все портреты моих соседей. К каждому мы добавили несколько строк.

Только Варин портрет... Варя! Ах, что за лицо! Что за глаза!

Старушку из тридцать третьей он так схватил! Если не знать сколько ей лет... А дед, из сорок пятой – орел! Правда портреты были тех соседей к которым я не попал. Кроме дяди Гриши – тот сам затащил Андрея к себе и заставил фотографировать. Дядь Гриш у меня на компьютере осталось несколько.

За второй, как обычно, бутылкой не пошли. Андрей засобирился домой – он жил с мамой, и она не разрешала ему оставаться в гостях у меня. Почему-то против девушек, даже мало знакомых, она не возражала. Почему? А...

Проводив друга, я долго любовался портретом Вари и мечтал, мечтал...

Глава 8.

Чем плохо счастье – после него голова болит. На следующее утро. И есть не хочется. И позвонить надо – отчитаться.

На трезвую голову Варю я зачислил в круг подозреваемых – во-первых, раз уж я себя туда зачислил, то уж ей, с Фотом связавшейся... Двух девушек парня, который с двумя девушками жил – тоже внес в блокнот; казахов, всех – до кучи; и Ахмеда, что у Маргариты Леонидовны жил и в МГУ учился.

Позавтракал овсянкой, я решил позвонить Железнову. Не успел.

– Здравствуйте, Василь Сергеевич. – Приветствовал я начальство.

– Привет. Голова не болит?

Странно для первого вопроса. Завтра человека убьют, а он на алкогольную зависимость пытается намекнуть.

– Нет. Не болит. – Я соврал. Пиво было лишним.

– Ну и ладно. А то мне Митрич про вас наплел...

– А незнакомым людям больше верьте, Василь Сергеевич. Он плюсиков незнамо кому понаставил, а хороших людей... – Побольше обиды, слезу бы еще...

– Плюсы – это я ставил. А про незнакомых... Мы же с ним в одной упряжке лет... – Железнов замолчал, высчитывал видать. – Семнадцать лет! В одной упряжке! И под... – Врать подполковник в отставке не умел. Хотел, наверное, про пули под которыми они с Дергачом... – Ладно. Ну и кого ты выделил?

Я поделился соображениями про всех: от парня с девушками, до Вари. Немного о себе.

– В 53 квартире самая подозрительная личность. Молодой человек – живет один, общается с проститутками и гомосексуалистами. Алкоголик. Возможно наркоман...

– Это ты про себя? – Оборвал меня Железнов.

– Майор Дергач такого мнения.

– А-а-а... Ну что ж... И этого, из 53 – возьми на заметку.

– Обязательно.

– Ага... Ну, Жень, я вот что попрошу... Ты просто последи – кто, когда... Ну в окошко. Это конечно дело полиции – преступления расследовать, а мы с твоей стороны – поможем. Ладно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.